

К.Г. ЮНГ: КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

© 2022 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды швейцарского психолога К.Г. Юнга на германский национал-социализм с позиции его теории коллективного бессознательного. Согласно Юнгу, понимание истинных причин появления нацизма в Германии возможно только на пути изучения коллективного бессознательного немцев. В статье раскрывается механизм воздействия архетипов на формирование идеологии и практики национал-социализма. Дается характеристика нации, масс как биологического явления, подчиненного не столько разуму, сколько эмоциям и инстинктам. Излагаются взгляды Юнга на диктаторские режимы и диктаторов 20–40-х годов XX в.

Ключевые слова: аналитическая психология, коллективное бессознательное, архетипы, Юнг, фашизм, национал-социализм, диктатура, тоталитаризм.

Цитирование: Жуков В.Н. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное и германский национал-социализм // Государство и право. 2022. № 4. С. 21–34.

DOI: 10.31857/S102694520019614-6

K.G. JUNG: THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS AND GERMAN NATIONAL SOCIALISM

© 2022 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 30.12.2021

Abstract. The article examines the views of Swiss psychologist K.G. Jung on German National Socialism from the perspective of his theory of the collective unconscious. According to Jung, understanding the true causes of the emergence of nazism in Germany is possible only by studying the collective unconscious of Germans. The article reveals the mechanism of influence of archetypes on the formation of the ideology and practice of National Socialism. The characterization of the nation, the masses as a biological phenomenon subordinated not so much to reason as to emotions and instincts is given. Jung's views on dictatorial regimes and dictators of the 20–40^s of the XX century are presented.

Key words: analytical psychology, collective unconscious, archetypes, Jung, fascism, national socialism, dictatorship, totalitarianism.

For citation: Zhukov, V.N. (2022). K.G. Jung: collective unconscious and German national socialism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 21–34.

В отличие от большинства классиков психоанализа, которые были евреями (З. Фрейд, А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм и др.) и в той или иной мере пострадали от нацизма, К.Г. Юнг — швейцарский немец, наблюдавший практику Третьего рейха и Вторую мировую войну из благополучной нейтральной Швейцарии. Его отношение к германскому национал-социализму было сложным и эволюционировало от терпимости и симпатии к полному отрицанию. После 1945 г. Юнга обвиняли в сотрудничестве с нацистами, он вынужден был публично оправдываться. По предложению нацистов он возглавлял с 1933 по 1939 г. Международное медицинское общество психотерапии со штаб-квартирой в Цюрихе, совместно с М.Г. Герингом (двоюродный брат рейхсмаршала Г.В. Геринга) редактировал журнал “Zentralblatt für Psychotherapie”, инициировал обсуждение вопросов о различиях в расовой психологии. Юнг оправдывал свою терпимость к нацистам тактикой врача-психиатра: «Как психиатр, привыкший иметь дело с пациентами, которым угрожает опасность гибели под натиском содержимого бессознательных слоев психики, я знал, что с терапевтической точки зрения чрезвычайно важно по возможности укрепить их сознание и способность к пониманию — так, чтобы было чему “перехватить” и интегрировать содержимое, прорывающееся в сферу сознания. Это содержимое само по себе необязательно имеет разрушительную природу, но оно неоднозначно, и лишь от склада “перехватывающего” его сознания зависит, будет ли его воздействие проклятием или благословением... Движущие силы психологического массового движения по сути своей архетипичны. В каждом архетипе содержится низшее и высшее, злое и доброе; поэтому он способен приводить к диаметрально противоположным результатам. С самого начала невозможно разобраться, будет ли он положительным или отрицательным. Относясь к подобным вещам как врач, я привык выжидать, поскольку врачу не позволено высказывать поспешные суждения; он не всегда может знать с самого начала, что лучше, а что хуже, и должен судить о вещах со всей беспристрастностью»¹. Врач пытается блокировать злое начало архетипа и реализовать его положительную сторону. Иными словами, Юнг предпочитал видеть в нацизме некую амбивалентность, одновременное наличие добра и зла, рассчитывая на победу созидательного начала в психике немцев.

Кроме того, продолжает он оправдываться, «не следовало забывать, что вплоть до эпохи национал-социализма Германия была одной из самых многосложных, высокоорганизованных

и культурных стран мира, а для нас, швейцарцев, — к тому же и духовной первоосновой, с которой нас связывали узы крови, языка и дружбы. Я хотел сделать все, что в моих силах, чтобы предотвратить разрыв этих связей, поскольку культура является нашим единственным оружием против ужасающей угрозы массового мышления»². К этому Юнг добавлял, что на ранних стадиях национал-социалистическое движение еще трудно было распознать: «Когда Гитлер пришел к власти, для меня стало ясно, что в Германии разразился массовый психоз. Но я невольно успокаивал себя мыслью о том, что немцы — это прежде всего цивилизованная европейская нация с высокими понятиями о нравственности и дисциплине. Поэтому окончательный исход этого, несомненно, массового движения в течение некоторого времени казался мне неопределенным, а сама личность фюрера поначалу произвела на меня сильное впечатление главным образом своей противоречивостью. Правда, посетив Берлин с циклом лекций в июле 1933 года, я был крайне неприятно поражен как поведением нацистской партии, так и личностью Геббельса. Но мне не очень-то хотелось с самого начала придавать этим симптомам решающее значение, поскольку целый ряд известных мне лиц, в чьем идеализме я не имел никаких оснований сомневаться, пытался доказать мне, что все это — не более, чем перекосы и злоупотребления, неизбежные при любой великой революции. Иностранцу в то время, действительно, нелегко было составить себе достаточно ясное мнение. Подобно многим моим современникам, я был подвержен сомнениям»³. Объяснения, очевидно, выглядят слабыми, поскольку стержнем агитационной кампании нацистов еще с 20-х годов было воссоздание Германской империи, средствами достижения которой объявлялись война, ксенофобия и антисемитизм.

Исследователи, правда, отмечают и заслуги Юнга в сопротивлении нацизму: «Но нельзя забывать и о других, более отрадных фактах в деятельности Юнга, касающихся его взаимоотношений с нацистами, — и прежде всего, о фактах, имеющих отношение к еврейскому вопросу. Когда Юнг занимал должность президента Международного Общества психотерапии, оно беспрепятственно принимало в свои ряды ученых немецко-еврейского происхождения, исключенных из находящейся под контролем нацистов Немецкой секции. Благодаря твердой позиции Юнга, Общество сохраняло “нейтралитет во всем, что касалось политики и мировоззрения”, а издававшийся Обществом журнал продолжал публиковать лишенные какой-либо предвзятости рецензии на книги еврейских авторов. В 1934 году

¹ Юнг К.Г. Очерки о современных событиях. Психология нацизма // *Одайнник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 330.

² Там же. С. 330, 331.

³ Там же. С. 229, 330.

Юнг включил в свою книгу “Действительность души”... статью автора-еврея, Хьюго Розенталя, и в том же самом году написал предисловие к книге “Открытие души”..., написанной его учеником Герхардом Адлером, евреем по национальности. Таким образом, нет очевидных доказательств того, что сам Юнг являлся антисемитом. Уже в 1936 году, в очерке “Вотан”, он вынужден был прийти к заключению, по существу – отрицательному, об “одержимости” современных немцев, подданных Третьего Рейха. А в 1939 году, когда возглавляемое им Международное Общество расширяет свой этнический состав благодаря вступлению в него большого числа итальянцев, венгров и даже японцев, Юнг подает в отставку с поста президента, потому что не чувствует более уверенности в том, что Общество сможет оставаться свободным в своей работе от “арийских предписаний сверху”⁴.

Первая мировая война прочертила четкую линию, отделившую традиционную либерально-демократическую Европу, какой ее хотели видеть классики либерализма, от Европы 20–30-х годов, когда авторитарные и диктаторские режимы росли, как грибы после дождя. По верному замечанию Н.А. Бердяева, мировая война, резко понизив ценность человеческой жизни, создала благоприятные условия для появления диктатур. Психология масс начинает активно разрабатываться с последней трети XIX в. (Г. Лебон, Г. Тард, В. Вундт), но диктаторские режимы первой половины XX в., возвращенные на массовых политических движениях, давали новый материал для психологических исследований. Аналитическая психология Юнга с ее теорией коллективного бессознательного, конечно же, не могла пройти мимо данного политического феномена. Следует вспомнить, что коллективное бессознательное – это совокупность архетипов, т.е. духовно-природных кристаллов, сформированных в древнейшие времена и ставших основой больших и малых этносов. Архетипы, однажды сформировавшись, в дальнейшем остаются практически неизменными, но имеют свойство активизироваться при определенных условиях. Базовое положение Юнга сводится к тому, что коллективное бессознательное задает границы целеполагающей деятельности этносов, за которые они выйти не в состоянии. Прогресс социальных форм, науки и техники есть только верхняя часть айсберга, фундаментом культуры продолжают оставаться архетипы коллективного бессознательного, сформировавшиеся во времена появления этноса. Современные западные общества, забыв свою праисторию и оторвавшись от своих архетипов, на самом деле оказались от них в полной зависимости. Игнорирование архетипов ведет к тому, что они становятся неуправляемыми,

их энергия разрушительна. Появление тоталитарных режимов, по Юнгу, – прямое тому подтверждение. Современные политические движения, делает он вывод, – это массовые психозы.

Западноевропейские просветители XVII–XVIII вв. (Т. Гоббс, Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Т. Джефферсон), создавая модель новой буржуазной государственности, апеллировали к разуму как необходимому условию возникновения и функционирования государства и права. Считалось, что «естественный» человек, наделенный разумом и представлениями о морали, порывает с хаосом «войны всех против всех» с целью создания разумного политического порядка. Концепция общественного договора указывала на народ как на источник государственной власти, а сам народ изображался как механически сложенная совокупность разумных индивидов, как субъект политики, движимый императивами разума и врожденной высокой морали. Данные политико-идеологические клише были воплощены в юридических конструкциях и процедурах публичного права Запада XIX–XX вв. Вместе с тем появившаяся в последней трети XIX – начале XX в. полноценная социальная наука (социология, антропология, политология, социальная психология) предложила посмотреть на народ не как на этико-юридический и разумно организованный феномен, а как на биологический организм, биологическую массу, подчиненную законам природы (методы естествознания, распространенные на социальную науку, в значительной мере предполагали именно такое понимание проблемы). Этот методологический подход довольно быстро находит свое применение в политической практике. Лидеры массовых политических партий вводят в широкий публицистический, идеологический и агитационный оборот термин «массы», имея в виду под ним человеческие коллективы, живущие по преимуществу не разумом, а инстинктами и эмоциями. Такой подход ломал классические либеральные политико-юридические конструкции и почти идеально подходил массовым политическим движениям вождистского типа. В известном смысле ситуация первой трети XX в. повторила эпоху буржуазных революций, когда возникла потребность в концепциях общественного договора и естественного права, выполненных в духе рационализма. Конечно, социальная наука не может нести ответственность за возникновение тоталитарных режимов, речь идет лишь о тесной связи между обществоведением и политикой.

Юнг в полном соответствии с духом времени также порывает с рационализмом и гуманизмом эпохи Просвещения, давая свою трактовку таким категориям, как народ, нация, массы и их взаимоотношения с индивидом и государством. Гигантские социальные катастрофы, рассуждает он, являются проявлениями психики. Войны и революции

⁴ *Одайнник В.* Указ. соч. С. 119, 120.

есть психические эпидемии, одновременно захватывающие миллионы людей. Эпоха Просвещения, подорвав веру в Бога, устранила чувство страха перед ним, а это было средством сдерживания разрушительных сил бессознательного. Разум, вставший на место Бога, оказался не в состоянии противостоять коллективному бессознательному, он подчинился эмоциям тех групп людей, которые связывали свою судьбу с развязыванием войн, революций и других социальных катастроф. В индивидуе, который становится частью массы, вырываются наружу «демоны» коллективного бессознательного. Человек бессознательно опускается на более низкий интеллектуальный и моральный уровень, ранее сдержанный и рассудительный, он превращается в маньяка или дикаря. Между безумцем и толпой стирается разница, потому что обоими движут безликие непреодолимые силы. В условиях массовых движений человек коллектива становится преобладающим и удушает человека-личность. Идеи, захватывая массы, порождают фанатичную одержимость, бросающую вызов разуму. Несогласные с этими идеями физически уничтожаются. Коллективное бессознательное, рождающее психическую эпидемию, вызывает в массах двойственные чувства. С одной стороны, они одержимы разрушительными эмоциями, влекущими за собой социальную катастрофу, с другой — ощущают страх перед ней, что рождает в ней потребность в герое, способном защитить массы от грядущей катастрофы. Поскольку масса безымянна и безответственна, ей требуется вождь. Люди склонны винить в социальных катастрофах внешние обстоятельства, но взрыв разрушительных сил возможен потому, что эти силы уже жили в людях. В этом смысле люди постоянно находятся на вулкане, от которого нет никакой возможности защититься. Единственная возможность противостоять массовым движениям — перехватить негативное влияние архетипа, заблокировать его «весомым большинством отдельных личностей», в которых еще жив дух индивидуализма⁵.

Нравственность общества, по Юнгу, находится в обратной зависимости от его численности: чем выше концентрация людей, тем в большей мере нивелируется личность, а вместе с ней — и нравственность, т.к. последняя всецело зависит от индивида и условий его свободного развития. Отсюда делается вывод, что человек, связанный узами общества, перестает чувствовать свою ответственность, и в этом смысле всегда уступает человеку, ощущающему себя свободным и потому возлагающему ответственность на себя. «Любая большая компания, пусть даже состоящая из самых симпатичных людей, по своему нравственному

и умственному уровню напоминает неуклюжее, тупое и злобное животное. Чем многочисленнее организация, тем труднее избежать в ней аморальности и слепой тупости. Автоматически подчеркивая в каждом из своих членов качества коллективного порядка, общество вознаграждает прежде всего посредственность и поощряет любого, кто согласен вести беспроblemное, безответственное, растительное существование. Сильная индивидуальность неизбежно загоняется в угол»⁶. Большие человеческие коллективы (нации, государства) строятся на выпячивании самых примитивных черт человека и уничтожении личности в интересах этих организаций. Человек, более или менее соответствующий коллективу, «превратил свое сердце в притон убийц», что доказывает его бессознательное. «Поскольку он приспособлен к своей среде, его не смутит никакая подлость со стороны его группы — тем более, что большинство его сотоварищей твердо верит в высочайшую нравственность своей социальной организации»⁷. Государства и нации управляются не разумом, а безликой и страшной силой, сдержать которую невозможно. Эта дьявольская сила обычно объясняется как страх перед соседней нацией, которая будто бы одержима бесами. На самом деле нации и государства проецируют свое бессознательное на соседей, которые, в свою очередь, подчинены тем же психическим механизмам. «Хорошо известно, что среди пациентов психиатрических больниц наиболее опасны не те, кем движет ярость или ненависть, а те, кто страдает от страха»⁸.

У нации, по Юнгу, есть собственная психология и соответственно своя психопатология, состоящая из большого количества признаков, среди которых выделяется повышенная внушаемость. Когда Юнга спросили, смогут ли Англия и Франция избежать войны с Гитлером, если понадобится на деле гарантировать новые границы Чехословакии после ее раздела 1938 г., захотят ли они выполнить свои обязательства, он дал развернутую характеристику нации. Нация, рассуждает он, — «большой бессмысленный червяк», имеющий свою судьбу. У нации не может быть чести, она не может держать слова. По этой причине в старые времена старались иметь короля, обладающего личной честью и словом. «Не всякий обладает достоинствами, но всякий является носителем низших животных инстинктов, обладает внушаемостью пещерного человека, подозрительностью и злобностью дикаря. Вследствие этого многомиллионная нация являет собой нечто даже нечеловеческое. Это ящерица, или крокодил, или волк. Нравственность ее государственных

⁶ Там же. С. 320.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 324.

⁵ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 321–323, 325, 328, 329.

деятели не превышает уровня животноподобной нравственности масс, хотя отдельные деятели демократического государства в состоянии несколько приподняться над общим уровнем»⁹. Нация — это монстр, несущий угрозы человечеству. «Малые нации предполагают малые катастрофы. Большие нации предполагают большие катастрофы»¹⁰. Поэтому Юнг — за малые нации.

Если снять метафоры, употребляемые Юнгом, то следует признать полную правоту его позиции, отражаемую, например, в международном праве. Один из принципов международных отношений, выросших из многовековой практики, формулируется примерно так: государство руководствуется в своей деятельности на международной арене не правом, а своими интересами; вступив в какой-либо договор, оно может из него выйти, как только сочтет это для себя выгодным. Данный принцип взят не из головы юристов эпохи Просвещения, он рожден грубым эгоизмом нации, главная задача которой — обеспечение благоприятных условий для своего физического выживания. Юнг выказывает свое негативное отношение к нации, отталкиваясь от практики национал-социализма, поскольку она наиболее ярко демонстрирует разрушительные возможности нации. Итальянские фашисты и немецкие нацисты закрепили в своих программных документах положение о нации как высшей ценности, ради которой требуется приносить любые жертвы. Вместе с тем следует вспомнить, что апелляцию к народу, нации можно найти у всех революционных вождей Нового и Новейшего времени, конституционные акты — тому свидетельство. Развивая идею о животном эгоизме нации, Юнг ставит вопрос об ответственности нации в целом. К такому выводу его подводит теория коллективного бессознательного: архетипы создаются этносом, именно этнос несет ответственность за отрыв от своих архетипов, за отсутствие контроля над ними, а значит, и за их разрушительную активизацию. Немцы, утверждает Юнг, породив национал-социализм, показали неспособность держать в узде свое бессознательное, а потому правомерно ставить вопрос об их коллективной ответственности. В данном случае Юнг порывает с западноевропейским индивидуализмом и гуманизмом, т.к. перекладывает ответственность на весь народ, хотя известно, что среди немцев было немало антифашистов и что сами немцы пострадали от режима. Здесь опять-таки надо заметить, что Юнг, говоря об ответственности нации, народа, не очень далек от практики международных отношений, где в той или иной форме коллективная ответственность признается. Когда на государство

в результате, например, проигранной войны накладываются репарации и репрессалии, тяготы по исполнению этих санкций несет вся нация. На примере Германии это наглядно видно: после капитуляции Третий рейх прекращает свое существование, но репарации тем не менее накладываются уже на вновь возникшее немецкое государство, по сути, на всех немцев.

Итак, возникновение тоталитарных режимов в первой трети XX в., по Юнгу, есть следствие сил коллективного бессознательного. Спавшие до поры архетипы активизируются как результат проявления компенсации за какие-то поражения в жизни, за неудовлетворенность действительностью. Массовый психоз, представленный в форме политических движений, появляется вследствие неспособности сознания адаптировать и взять под контроль прорвавшееся в него бессознательное. Бессознательное не встречает со стороны сознания критической рациональной оценки, что свидетельствует о поврежденности сознания. После Первой мировой войны в коллективном бессознательном возник своеобразный прилив. Обе мировые войны одновременно стали результатом накопления сил зла и сами развязали эти силы зла. Архетипы объединили вокруг себя толпу, которая выдвигает лидера, отличающегося наименьшей сопротивляемостью архетипам, наименьшим чувством ответственности и в силу низменных качеств наибольшей волей к власти. В коллективном бессознательном существуют архетипы порядка и уравнивающие их архетипы беспорядка. Архетипы порядка, не адаптированные сознанием, реализуются в резком снижении ценности личности, подавлении свободомыслия и установлении тоталитаризма. Тоталитарное государство есть следствие взорвавшихся сил коллективного бессознательного, нацеленных на создание системы государственного рабства, государственной тюрьмы. Приняв на себя претензии теократии, оно уничтожает людей во имя утопии земного рая. Данный процесс оказывается неизбежным, но благодаря ему личность начинает понимать, что только она — хозяйин своей судьбы, а государство — лишь инструмент. При таком положении дел большую роль играют высокоморальные индивиды, способные противостоять действию разрушительных архетипов бессознательного. Таких индивидов немного, но именно от них зависит поддержание жизни и дальнейшее развитие цивилизации. Сознание масс прогрессирует крайне слабо. Дух нации, делает вывод Юнг, могут изменить только личности, трансформация их мировоззрения¹¹.

Юнг усматривает причины установления тоталитарных режимов в активизации архетипов отца

⁹ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайнник В. Указ. соч.* С. 361.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Юнг К.Г. Указ. соч.* С. 268–270, 319, 323, 324.

и матери. Он предлагает вроде бы свой механизм действия отцовского комплекса, но очевидно, что это трансформация Эдипова комплекса Фрейда. Юнг связывает механизм распада родительских образов и образование интеллектуальной и социальной анархии в Европе. У взрослого человека, рассуждает он, родительский образ всегда смещается с родителей на другие объекты, в результате чего у индивидов могут формироваться психические комплексы. Так, перенос родительских образов на Римского папу означает перенос образов на Бога, поскольку папа получает свои полномочия от него. В этом случае происходит разрыв с земным человеческим бытием, человек лишается своих корней, и возможно формирование психического комплекса. Частота появления комплексов самая высокая у евреев (иудеев), на втором месте — протестанты, на третьем — католики. Когда психиатр лечит такой комплекс, зачастую родительский образ переносится на врача. В результате психотерапии католик или протестант могут еще вернуться к религии, перенеся туда отцовский образ. Но большинству пациентов не удается справиться с данным комплексом. Борьба с переносом родительского образа на ложные объекты ведет к появлению у пациента ощущения безотцовщины, сиротства, что может повлечь за собой тяжелые последствия. Родительский образ, не найдя себе адекватного носителя, активизируется в бессознательном, наполняясь энергией. В данном случае «эго» индивида, отделенное от родительского образа, растворяется в бессознательном, точно так же, как до этого было растворено в отношениях с носителями отцовского образа. Растворение «эго» в бессознательном может знаменовать распад личности, что проявляется в различных шизофренических психозах. Одновременно коллективное бессознательное может давать и лечебный эффект, а именно восстанавливать целостность личности, что Юнг называет самостью. Самость — один из важнейших архетипов, который обнаруживается, полагает он, например, в классической индийской йоге¹².

Все эти общие подходы, по Юнгу, имеют значение для современности. Распад религиозных авторитетов ведет к философской и политической анархии, что противоречит ценностным установкам западного европейца, привыкшего к патриархальному порядку. Архетипы отца и самости требуют от западного европейца восстановить порядок. Если в эпоху Средневековья родительский образ переносился на церковь, то в XX в. он переносится на государство, которому индивид готов передать «абсолютные права на исключительное владение всем». Авторитарные и тоталитарные режимы Европы хорошо чувствуют такую инстинктивную

устремленность масс и пользуются ею, что вредит общекультурным началам человечества. На протяжении всей истории человечества был конфликт между стремлением человека к индивидуальной свободе и проекцией родительского образа на государство, который всегда решался в пользу последнего. Благодаря христианству индивидуалистическая тенденция (идея бессмертия человеческой души) начинает доминировать, резко уменьшив влияние родительского образа и его связь с государством. Следствием такого эффекта стал острый моральный конфликт, моральный выбор человека между собственной свободой и всевластием государства. Те, кто отдает приоритет коллективному бессознательному и архетипу отца, делают выбор в пользу государства, т.е. совокупности тех «ничтожеств», «чудовищ», которые в интеллектуальном и этическом отношении стоят на крайне низкой ступени своего развития. Христианство никогда не соглашалось с верой в государство, противопоставляя ей веру в царство Божие. Христианство, отвергая земную власть над миром, ставило целью обосновать бессмертную душу человека. Здесь Юнг выходит на тему «личность — общество», предлагая решить эту дилемму в пользу первого. Общество, рассуждает он, есть совокупность индивидов, они — носители жизни. «Общество — это величайшее искушение для бессознательного, и массы с неизбежностью проглатывают индивида, не считающего на себя, и в любом случае низводят его к состоянию незащитной частицы»¹³. В случае победы бессознательного «душа будет платить всю жизнь своею собственной жизнью и станет функцией, которой будут пользоваться так, как Держава сочтет нужным. <...>. Самая пронизательная личность не сможет отрицать, что организация нашего общества, называемого Державой, не только ощущает сильный зуд увеличить свою власть, но и вынуждается обстоятельствами это делать. Если это происходит при свободном согласии и вызвано тем, что граждане Державы понимают, что творят, тогда в качестве результата будет только добро. Если, наоборот, такое происходит из-за того, что люди решили для себя более удобным уклониться от трудных решений или из-за недостатка сознательности, тогда индивид подвержен верной опасности прекратить свое существование как человеческого существа. Случись такое, исчезнут отличия Державы от тюрьмы или термитника»¹⁴. Вместе с тем окончательный вывод Юнга пессимистичен. За всю историю европейской цивилизации, утверждает он, господство родительских образов не ослабло. Психика европейца во многом патриархальна, склонна к иерархии, а потому любая

¹² См.: Юнг К. Г. Указ. соч. С. 297–301.

¹³ Там же. С. 305.

¹⁴ Там же. С. 306.

попытка ослабления родительских образов обречена на провал. Следовательно, тоталитаризм всегда будет оставаться потенциальной угрозой¹⁵.

В связи с национал-социализмом Юнг рассматривает вопрос о природе и качествах вождей массовых политических движений, давая яркие характеристики Сталину, Муссолини и, конечно, Гитлеру. Его исходная позиция сводится к тому, что массовые движения есть проявление психоза, результат бесконтрольной активизации архетипов коллективного бессознательного. Вот показательное высказывание Юнга из интервью 1933 г.: «Сегодня мы переживаем время варварских вторжений, но они происходят в душе человека. Это переломный момент в развитии наций. Время массового движения — всегда время вождей. Всякое движение естественно достигает высшей точки в лидере, который олицетворяет собой смысл и цель народного движения. Он является воплощением национальной души и ее выразителем. Он на острие пришедшего в движение народа. Потребность народа в единстве всегда порождает вождя, причем это не зависит от формы государственно-го устройства. И только во времена общественно-го застоя бесцельно жужжит машина парламентских обсуждений, за которой никогда не чувствуется ни жизненной глубины, ни серьезных причин; даже наиболее миролюбивое правительство в Европе, Швейцарский Бундесрат, в случае необходимости облачается чрезвычайными полномочиями, демократическими или недемократическими. Совершенно естественно, что лидер должен встать во главе элиты, которая в прежние времена формировалась из аристократии. К аристократии считают себя принадлежащими по праву природы, это аристократизм крови или аристократизм расы. Западная Европа не понимает особенного психического и критического положения молодой немецкой нации, поскольку не ощущает себя в той же самой ситуации ни в историческом, ни в психологическом отношении»¹⁶. Из текста видно, как Юнг сам отчасти воодушевлен и захвачен силой и масштабом массовых движений. Поэтому и парламент у него приобретает образ «бесцельно жужжащей машины» на фоне энергичных, действенных и эффективных, как ему представляется, партийных вождей. В нем самом, по-видимому, активизировались архетипы (если следовать его теории), снижающие его научный критицизм и скептицизм. Вместе с тем он оговаривается, что «истинный вождь народных движений» должен иметь мужество быть самим собой, ясно осознавать свои цели, свои возможности и свою ответственность перед нацией. Именно этих качеств, по Юнгу, не

хватает современным диктаторам. Здесь психолог демонстрирует некоторое противоречие: с одной стороны, утверждается, что народный вождь есть всегда порождение массового психоза, с другой — тезис о некоем абстрактном «истинном лидере», который способен блокировать в себе действие бессознательных сил. Исходя из базовых положений теории коллективного бессознательного, такое невозможно.

В примитивных обществах, рассуждает Юнг, существовало два типа людей, обладавших властью: вождь, физически более мощный, чем его соперники, и шаман, сильный в силу власти, спроецированной на него людьми. Иными словами, это император и глава религиозной общины. Муссолини и Сталин принадлежат к категории вождей, особенно первый, поскольку это человек физической силы, у него ум вождя. Диктаторы возникают в среде гонимых, униженных и страдающих от острой нужды людей. Принято считать, что у диктаторов большую роль играет честолюбие, но это далеко не так. Менее всего подвержен честолюбию Гитлер, поскольку он отождествляет себя с Германией и не управляет ей, а только истолковывает общее направление событий. Честолюбие Муссолини превышает честолюбие обычного человека, но его сила определяется не им, а связью с бессознательным итальянского народа, орудием которого дуче является. Честолюбие — определяющая черта Сталина, который не отождествляет себя с Россией и правит ей подобно царю. По Юнгу, Сталин — это честолюбивый грузин, захотевший править русским народом. Сталин — не созидатель, в умственном отношении он не так интересен, как Муссолини. Сталин «просто захватил то, что сделал Ленин, вонзил свои зубы и пожирает. Он даже разрушает не творчески. Ленин снес целую структуру феодального и буржуазного общества в России и заменил ее своим собственным творением. Сталин разрушает его. <...>. Сталин именно животное — хитрый злобный мужик, бессознательный зверь — в этом смысле несомненно самый могущественный из всех диктаторов. Он напоминает сибирского саблезубого тигра этой мощной шеей, этими разглаженными усами, этой улыбкой kota, слизывающего сливки. Я могу предположить, что прежде Сталин мог быть Чингиз-ханом. Меня не удивит, если он сделает себя царем»¹⁷. Сталин, избрав тиранию как способ правления, остался в логике борьбы с царизмом: «вы становитесь тем, с чем вы постоянно боритесь»¹⁸. Сталин по духу является пролетарием потому, что он грубо и цинично уподобляет себя царю вопреки своим политическим убеждениям. Возможно, до большевистской революции Сталин

¹⁵ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 296, 297.

¹⁶ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 343.

¹⁷ Там же. С. 345, 346.

¹⁸ Там же. С. 357.

не думал о личной власти, но революционные события показали ему, как захватывают власть, и он решил, что сможет это повторить, но уже в личных целях. Сталин, несомненно, уничтожил бы Ленина, если бы тот остался жив. Сталин заинтересован в том, чтобы его страна процветала, т.к. чем богаче и могущественнее последняя, тем могущественнее он сам. Но процветание страны есть только способ удовлетворения его жажды личной власти. В известном смысле человечество должно быть признательно Сталину за наглядную демонстрацию всему миру той очевидной истины, что коммунизм ведет к диктатуре¹⁹.

Дает Юнг характеристику и фашистской Италии. Итальянцы более уравновешены, чем немцы. «Их мысли не колеблются и не барахтаются, не скачут и не прерываются вследствие непомерных восторгов, которые являются каждодневным проявлением германского ума. <...>. Когда в Италии к власти пришли фашисты, Муссолини даже не сместил короля. Муссолини действует не через экстаз духа, но как бы с молотком в руке вгоняет Италию в ту форму, которую хочет, почти так же, как его отец, бывший кузнецом, изготавливал обычно подковы»²⁰. Уравновешенность итальянских фашистов Юнг видит и в том, что они не преследовали евреев так, как это делали нацисты. Гитлер как человек едва существует, он находится под маской своей роли шамана. Муссолини, напротив, всегда шире своей роли народного вождя, он просто человек. Юнг вспоминает, как ему «посчастливилось» видеть дуче и фюрера во время официального визита Муссолини в Берлин. Он отмечает естественность реакций Муссолини и зажатость Гитлера. По Юнгу, Муссолини демонстрировал «надлежащий вкус», в частности, в том, что он ввел «немецкий гусиный шаг» в итальянской армии и выбрал титул «дуче» — «простое, но самобытное, итальянское определение вождя». «По сравнению с Муссолини Гитлер произвел на меня впечатление в некотором роде деревянного каркаса, одетого в платье, механизм, напоминающего робота или с маской робота. В продолжении всей церемонии он ни разу не улыбнулся; как будто бы он сердился, был в дурном настроении. Он не обнаружил ни одного человеческого признака. Его лицо выражало непреклонную одержимость целью, без тени юмора. Казалось, что он дублер реального человека и что Гитлер-человек прячется внутри, и прячется намеренно, для того чтобы не нарушать механизм. Какое поразительное различие между Гитлером и Муссолини! Я не мог не почувствовать расположения к Муссолини. Его жизненная энергия и пластичность были теплые, человеческие, заразительные. У вас уютное

ощущение от Муссолини, как человека. Гитлер вас пугает. Вы понимаете, что никогда не будете способны разговаривать с этим человеком, потому что это никто; это не человек, а коллектив. Он не личность; он целая нация»²¹. Муссолини, поскольку он — только человек, будет легче найти преемника, чем Гитлеру, который, полагает Юнг, незаменим.

В своих оценках Гитлера Юнг заметно эволюционировал. В интервью 1938 г. он говорит о Гитлере в диапазоне от констатации его «выдающихся качеств вождя» до восхищения им. Гитлер, по Юнгу, — это шаман, его тело не внушает представления о силе, у него полный сновидений, призрачный взгляд, его глазами смотрит ясновидящий. Гитлер — фигура мистическая. Гитлер не производит почти никакого впечатления на иностранцев, но почти каждый немец падает перед ним на колени. Это происходит потому, что для всякого немца Гитлер является зеркалом его бессознательного. «Он рупор, настолько усиливающий неясный шепот немецкой души, что его может слышать ухо ее бессознательного»²². Гитлер мистическим образом раскрывает немцу судьбу Германии, поэтому его власть не политическая, а магическая. У Гитлера бессознательное исключительно близко расположено к сознанию, он сознательно подчиняется бессознательному, позволяет ему направлять себя, как истинный вождь он ведом им. Гитлер — медиум, посредством которого немцы открывают свои тайные стремления. В бессознательном Гитлера немцы видят себя, что делает его таким могущественным. Решения, которые принимает Гитлер, оказываются безошибочными, потому что он опирается на бессознательное, а не пользуется, как другие, рациональными доводами. Гитлер верно оценил своих противников, оказавшихся не готовыми оказать ему сопротивление. (Юнг здесь имеет в виду раздел Чехословакии и присоединение Австрии.) Гитлер-человек иногда испытывает страх, но он всегда следует за Гитлером-пророком. Немцы убедились, что обрели в Гитлере своего мессию, которого они ожидали со времен поражения в Первой мировой войне. Гитлер и есть немецкий народ. Гитлера невозможно представить женатым, если он женится, то перестанет быть Гитлером. По-видимому, он всецело пожертвовал своей сексуальной жизнью ради Германии, которая и есть его подлинная страсть. Поскольку бессознательное в мужчине всегда представлено в образе женщины, Гитлер будет находиться под властью идеи, а она всегда женственна²³.

¹⁹ См.: Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 358.

²⁰ Там же. С. 354.

²¹ Там же. С. 355.

²² Там же. С. 347.

²³ См.: там же. С. 347–350, 356.

После 1945 г. Юнг в отношении Гитлера выражений уже не выбирал, демонстрируя свое презрение к нему. Гитлер, полагает он, будучи одержим архетипом порядка, стал выражением мечты немцев о «новом порядке». «Немцы хотели порядка, но совершили фатальную ошибку, выбрав своим лидером первую жертву беспорядка и безудержной алчности». Гитлер стал персонификацией всего худшего в человеке. Это был невероятно бездарный, неприспособленный, психопатический индивид, полный бессодержательных детских фантазий, но отмеченный интуицией крысы и хулигана. Он представлял тень, наихудшую часть всякой личности в подавляющей степени, и это другая причина, почему немцы пали перед ним»²⁴. «Только в психологическом состоянии немцев веймарского периода нужно искать объяснение тому, что они последовали за явно сумасшедшим человеком. В противном случае, невозможно “понять, как его напыщенные речи, произносимые визгливым раздражающим голосом, с какими-то бабьими интонациями, могли производить такое впечатление на слушателей”. Ведь у иностранцев его театральная и явно истерическая жестикация, как правило, вызывала смех. “Он вел себя на людях так, словно был погружен в свою отдельно существующую жизнь, и, если воспользоваться более конкретным образом, как угрюмый, демонический человек-робот – популярный персонаж массовой литературы... Он был совершенно неспособен к адаптации, безответственной, психопатической личностью, полной пустых, инфантильных фантазий, но с дьявольски острым чутьем, свойственным, например, крысам или беспризорникам”. Однако для немцев он являлся нормальной, более того, вызывающей восхищение личностью, потому что он выражал их действительное состояние: их крушение и разочарование, их возмущение, их коллективную истерию. В его личности нашли воплощение все характерные черты истерика: “полное отсутствие самоанализа, аутоэротическое самолюбование и самооправдание, яростная критика и наведение страха на ближних (с каким презрением говорил иногда Гитлер о собственном народе!), проецирование тени, лживость, фальсификация реальности, готовность производить впечатление любыми средствами, запугивание и надувательство”. На языке клинических терминов состояние Гитлера следовало бы определить как *pseudologia phantastica*, т.е. форма истерии, характеризуемая способностью большого верить в собственную ложь. <...>. Помимо истерии, Гитлер, по мнению Юнга, репрезентировал теньевую сторону немецкой личности, ее вытесненную “худшую” часть. Его характер и судьба определялись мучительными переживаниями

²⁴ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 271, 272.

собственной несостоятельности, ребяческими эмоциями и всепоглощающей жадой силы и господства. Эта часть личности тоже способствовала его популярности, потому что, при определенных условиях, радостное чувство узнавания и приятного возбуждения сопровождает встречу с ранее вытесненной тенью. Определенное обаяние исходит от живущей в глубинах коллективного бессознательного фигуры трикстера, и, наблюдая за его ужимками и проделками, мы невольно сочувствуем ему. Но, выражая истерическую, низшую и теньевую сторону немецкой личности, Гитлер одновременно обещал и был живым символом возвращения немцам того, в чем они остро нуждались, – силы, власти, превосходства, уважения к себе, безопасности, дисциплины и порядка. То, что ему на протяжении почти десятка лет удавалось давать все это немцам – пусть временами только в их воображении – тоже объясняет причину его магической власти над немецким народом»²⁵.

Рассуждая о национал-социализме и ставя перед собой цель создать психологический портрет Германии и немцев, Юнг хотя и пытается быть объективным, но черной краской для описания не жалеет. Он, по его словам, следил за «немецкой революцией», «глядя в пробирку индивидуального случая», сознавал огромную опасность, но не знал, что взрыв будет неизбежным. Еще в 1918 г. Юнг заметил нарушения в бессознательном немецких пациентов. В их бессознательном им были обнаружены архетипы, выражающие насилие и жестокость. Клиника этих пациентов корреспондировалась с умонастроениями, которые стали преобладать в Германии. Атака первобытных сил была характерной для всей Европы, но немцы оказались более восприимчивы к разрушительным архетипам. В сознании у немцев не было ценностей, которые смогли бы блокировать действие разрушительных сил бессознательного. Немцы были под влиянием материализма (имеется в виду марксизм и социал-демократия), религиозные организации ничего не смогли противопоставить бессознательному. «Немецкая катастрофа» продемонстрировала ужасы, ранее не виданные. В немцах, создавших высокую цивилизацию, есть какие-то глубины, «чуждым образом противоречащие их прежним высоким достижениям. <...>. Подобное явление известно в психопатологии под названием диссоциации (расщепления) и служит одним из признаков психопатической предрасположенности»²⁶. Поражение в войне и социальные бедствия усилили стадные инстинкты немцев, стало понятным, что Германия первой падет под действием сил коллективного бессознательного. Массовый психоз

²⁵ Одайник В. Указ. соч. С. 108–110.

²⁶ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 268, 271, 331.

немцев неизбежно вел их к преступлению. Психоз есть результат предрасположенности, психопатической неполноценности, сформировавшейся на протяжении длительного времени. Германия, по Юнгу, всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. Природные условия требовали от немцев мирового господства, но они все время опаздывали, что сформировало у них комплекс неполноценности. «Они слишком поздно появились в Дунайской долине и положили начало своей нации много позднее Британии и Франции, уже процветавших на своем пути к национальному государству. Они слишком запоздали с захватом колоний и основанием империи. Когда они сплотились и объединились в нацию, то, оглядевшись вокруг, обнаружили Британию, Францию и другие страны во всеоружии взрослых наций, богатых колониями, и тогда сделались обиженными и завистливыми, подобно младшему брату, чьи старшие братья захватили львиную долю наследства»²⁷. На формирование комплекса неполноценности повлияли также традиции национальной культуры и капитализм: система нравственного и политического воспитания пропитала немцев «духом тупого послушания» и уверенностью в том, что благополучие придет от слепой веры в господство и чувства долга, индустриальная культура оторвала немцев от их корней, от естественных законов человеческого бытия, сделав заложниками интересов капиталистов, колебаний рынков труда и капитала. В условиях капитализма, стихии рынка у немцев было чувство собственной слабости, незащищенности, что компенсировалось стремлением к власти. «Было восстание бессилия и алчности»²⁸. Комплекс неполноценности немцев обрел зримые очертания после поражения в Первой мировой войне.

Говоря о комплексе неполноценности немцев, Юнг разъясняет, что понятие нормы в психиатрии относительно. Только незначительная прослойка психопатов попадает в приюты, большинство из них до определенных пор считаются нормальными. Лишь очевидные симптомы могут свидетельствовать о начавшейся психической патологии. Латентные психопаты, как правило, выходят за рамки нормы, оказавшись в составе массы. Немцы часто давали повод считать их психопатами: они весьма восприимчивы, впадают в крайности и немного неуравновешенны. Немцы — космополиты, они легко теряют свою национальную идентичность, любят подражать другим нациям. «Всякий немец хотел бы одеваться подобно английскому джентльмену»²⁹. Гитлер всегда одевается по-своему, как

бы призывая быть настоящими немцами. «Немцы чрезвычайно восприимчивы к новым идеям, и когда знакомятся с той из них, что находит в них отклик, привлекает их, то способны принять ее на веру, без критики, и на время полностью подпасть под ее влияние; но затем, по прошествии времени, точно так же способны отбросить ее прочь и усвоить новую идею, возможно совершенно противоположную первой. Таким образом они управляют своей политической жизнью»³⁰.

Психическая неполноценность немцев стала следствием их неопределенного положения между Востоком и Западом. Мучимый их комплекс неполноценности они пытаются компенсировать манией величия. Немцы демонстрируют юношескую психологию, характерную «чрезвычайно распространенной гомосексуальностью», бездушием и демонизмом³¹. Неполноценность немцев проявляется в их пристрастии к изощренным интеллектуальным построениям и точной технологии. «С одной стороны, эта одержимость призвана компенсировать неразвитость и недифференцированность функции чувства, с другой — она отводит энергию и отвлекает внимание от мучительно переживаемой собственной неполноценности. При таком подходе появляется возможность с новой стороны взглянуть на антисемитизм нацистов, в котором принято видеть удовлетворение потребности в козле отпущения для немецкой нации в трудные для нее времена. При этом упускается из виду одна достаточно очевидная вещь: то, что еврейская культура в гораздо большей степени, чем германская, развила эмоционально-чувствующую сторону психического, а продолжительное сосуществование немцев лицом к лицу со своей “низшей” функцией — неважно, кто выступает в роли ее носителя: мы сами или другие — воспринимается как угроза. Отсюда нужда в компенсации, в подавлении “низкого”, дабы избавиться от угрозы. <...>. Динамизм, демонстрируемый немцами в нацистский период, в значительной степени, по мнению Юнга, объясняется непрерывно возрастающим “разрывом” между интеллектом и чувством, между все более утончавшейся работой мысли и подавленными недифференцированными эмоциями. Более того, неведение о своей “другой” стороне — при смутном подозрении о ее первобытной силе — усиливает уже живущие в душе истерика ощущения неуверенности в себе и страха. В результате к первоначальному чувству неполноценности добавляется новое в том же роде, и смешанное ощущение своей неполноценности и неуверенности становится “источником специфически истерической психологии, характерные черты которой — потребность

²⁷ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 350.

²⁸ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 271, 272, 283.

²⁹ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 353.

³⁰ Там же. С. 353, 354.

³¹ См.: там же. С. 363, 364.

в подтверждении своего престижа, стремление производить впечатление, выставлять напоказ свои достоинства и настаивать на них... Именно ощущение собственной неполноценности и неуверенности в себе являются причиной той крикливой самоуверенности, заносчивости и бестактности, благодаря которым немцы, законопослушные у себя дома до пресмыкательства, завоевали себе дурную репутацию во время посещений заграницы»³².

Главный архетип коллективного бессознательного немцев, виновный, по Юнгу, в развязывании их агрессии, – Вотан. Гипотеза о Вотане, с его точки зрения, объясняет национал-социализм лучше, чем экономический или политический анализ. Вотан – средневековый бог древних германцев, бог бури и неистовства, верховный маг и колдун, высвобождающий страсть к войне. Давно бездействующий, он проснулся, как потухший вулкан, и поверг цивилизованную Германию к ногам Гитлера. Вотан имеет и светлую сторону: это бог вдохновения, поэзии и мудрости, он – знаток рун и истолкователь судьбы, но в тех конкретных исторических условиях победило злое начало. Согласно Юнгу, пробуждение коллективного бессознательного в Германии предвосхитил еще Ф. Ницше, противопоставив аполлоновское начало (гармонию) дионисийскому (разрушительному) и тем самым создав традицию в философии культуры. Его Заратустра – прототип Вотана, а последний – двоюродный брат Диониса. Философы и поэты А. Шюлер, С. Георге и Л. Клагес, возвеличив иррациональность и отказавшись от реальности и жизни, культивировали смерть как единственный способ преодолеть материальную оболочку жизни и прийти к подлинному существованию. Все это стало использоваться политиками в пропагандистских целях. Вотан, утверждает Юнг, – основополагающая черта немецкой души, «иррациональный, психический фактор, действующий, как циклон, на высокое давление цивилизации и сметающий ее прочь». В каждом немце выражение «Третий рейх» вызывает в его бессознательном библейские ассоциации: пророк Иисус в виде белокурого и голубоглазого героя, греческая мать Св. Павла, дьявол как международный Альберих еврейского или масонского сорта. Вотан заменил у немцев Христа, они – жертвы Вотана. В Германии симптомы Вотана очевидны: выпячивание арийской расы, акцент на связь с землей, народные обычаи, нордическая Аврора Борейс (Северное сияние нордической (скандинаво-германской) расы) как светоч цивилизации и презрение к «низшим», средиземноморским расам. Штурмовые войска (Sturmabteilung) с их стремлением к насилию отражают существо Вотана. Свастика также отражает Вотана:

³² Одайник В. Указ. соч. С. 104, 105.

вращающийся в левую сторону крест, образующий вихрь, подразумевает в буддистской символике нечто неблагоприятное, направленное на бессознательное. Эти символы увлекают немцев все дальше к своей судьбе, которую даже их фюрер не может предсказать. Вотан стал идейным центром новой религии. Поскольку национал-социализм есть своего рода религия, нацисты воспринимают католичество и протестантизм как своих врагов, требующих уничтожения. Национал-социализм как религия выглядит реалистичной, земной, обещающей максимум вознаграждений в этой жизни и вечную жизнь в Валгалле³³. Эта религия проповедует доблесть меча, могущество арийской Германии³⁴.

Деструктивную роль, по Юнгу, сыграл тот факт, что немцы игнорировали свою Тень. Согласно его теории, Тень есть набор тех негативных качеств человека, которыми он обладает, но не признает своими. Имея данные качества, но не осознавая этого, индивид переносит их на других лиц, которые предстают вследствие такой трансформации во враждебном образе. Данный механизм Юнг распространяет на большие социальные общности. Немцы, полагает он, привели мир к социальной катастрофе потому, что демонизировали его, т.е. перенесли на другие нации и народы свои собственные страхи и комплексы. Они заподозрили в других народах то, что имели в своем сознании и психике. Первобытный человек поступает точно так же: демоны, наполняющие окружающий его мир, являются демонами его собственной души. Он испытывает страх перед объективной действительностью, не сознавая, что угрозы внешнего мира есть факты его психики. Немцы особенно уязвимы перед демонами вследствие своей повышенной внушаемости. «Это обнаруживается в их любви к подчинению, в их безвольной покорности приказам, которые являются только иной формой внушения»³⁵. Механизм, заданный Тенью, ведет немцев к утрате чувства реальности и рождает потребность в компенсации своего неустойчивого душевного состояния. Этой компенсацией становится агрессия в отношении других народов. Чувство компенсации проявляется также в стремлении немцев обрести устойчивость и равновесие, а с ними – твердый порядок. Немцы, накаченные нацистской пропагандой, «превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший затем остальных».

³³ В германо-скандинавской мифологии небесное царство, куда попадают павшие в бою воины, продолжающие там наслаждаться жизнью.

³⁴ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 276–278, 281, 288, 289; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 346, 347, 353; Одайник В. Указ. соч. С. 99.

³⁵ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 364.

Все нацистские лидеры одержимы демонизмом, а 10% немецкого населения – безнадёжные психопаты. Пример немцев показывает, что нация, которая забывает свою Тень, игнорирует темную часть своей природы и верит в свою непогрешимость, становясь жертвой разрушительной одержимости. Игнорирование немцами своей Тени – один из источников их истерии. В Гитлере каждый немец узнал свою собственную Тень, но они восприняли ее некритично. Каждый народ должен признавать свою Тень и учиться жить с нею, но немцы не поняли эту истину. Мир не сможет достигнуть состояния порядка, пока эта истина не будет принята всеми. Юнг приводит в пример Швейцарию, где граждане стараются постигнуть свою Тень, осознают ее и пытаются с нею бороться³⁶.

После окончания Второй мировой войны на Западе и в СССР, чтобы объяснить необходимость возрождения новой антимилитаристской антинацистской демократической Германии, активно распространялась концепция, согласно которой немецкий народ был «оболванен» нацистами во главе с Гитлером, поэтому нельзя возлагать ответственность на всех немцев. Считалось, что сами немцы пострадали от режима и войны, а потому им следует помочь преодолеть нацистское прошлое и построить новую Германию (либо на капиталистический, либо на социалистический лад в зависимости от зон оккупации). Предлагалось списать в архив общегерманский плебисцит 19 августа 1934 г., подтвердивший полномочия Гитлера подавляющим большинством немцев. Уже тогда всем было понятно и в Германии, и за ее пределами о завоевательных планах нацистов. Через каких-нибудь полтора года после прихода Гитлера к власти подавляющее большинство немцев (включая бывших социал-демократов и коммунистов) были готовы реализовать эти планы, поскольку рассчитывали, что это в их интересах. Как представляется, все это хорошо понимал Юнг, но обосновывал такое состояние немцев с позиции своей теории коллективного бессознательного. Он требует, чтобы немцы несли коллективную ответственность за совершенные преступления. Война, которую они развязали, является, по его убеждению, несмыслаемым преступлением. «Ни одна нация не знала такого глубокого падения, как немцы; никто, кроме немцев, не запял себя до такой степени, понадобится труд многих поколений, чтобы смыть этот позор»³⁷. Как отмечалось выше, немецкий народ, с его точки зрения, виновен в том, что не смог вовремя распознать свои воинственные архетипы и взять их

под контроль. «Никто никогда не убедит меня, что нацизм был навязан немецкому народу массами, евреями или подлецами-англичанами – все это звучит слишком по-детски. Подобных вещей я сверх меры наслушался в психиатрических лечебницах»³⁸. Юнг считает неверным делить немцев на нацистов и противников нацизма, на СС и военных, на тех, кто знал, и тех, кто не знал о преступлениях нацизма. В качестве психиатра, вспоминает он, ему приходилось заниматься двумя немцами-антинацистами, у которых он обнаружил в их бессознательном нацистскую психологию со всем ее насилием и жестокостью. Все немцы, развивает Юнг свою мысль, сознательно или бессознательно, активно или пассивно причастны к преступлениям нацистской Германии. Если политики затрудняются в вопросе о коллективной вине, то для психологов коллективная вина есть очевидный факт. Поэтому одна из наиболее важных задач лечения – заставить немцев признать свою вину³⁹.

Психопатия немцев, полагает Юнг, видна в их реакциях на известные факты и события. Основное, чем огорчены немцы, – это проигрышем в войне, а также жестокостью оккупационных сил союзников. При этом немцы предпочитают не замечать преступления, совершенные ими на оккупированной территории стран Европы и России, концентрационные лагеря и массовое уничтожение мирного населения. Лишь крайне незначительная часть немцев готова искренне покаяться за совершенные преступления. Любую попытку немцев найти смягчающие обстоятельства своих преступлений Юнг предлагает рассматривать как неискреннее покаяние, как оправдание своей разрушительной деятельности. Бессознательное стремление немцев оправдаться доказывает их психопатическую неполноценность⁴⁰.

«Германская катастрофа», по Юнгу, была лишь обострением общеевропейской болезни. Европа должна вместе с немцами разделить их вину, поскольку всегда пренебрегала своим коллективным бессознательным, отдавая предпочтение рационализму, науке и технике. Зло национал-социализма, утверждает Юнг, состоит также в том, что он будил в людях агрессию, стремление совершать преступления. Такой механизм был описан еще Фрейдом применительно к табу первобытных народов: нарушение табу заразительно, этот пример сразу же передается другим людям как сигнал, снимающий запреты на табу. Моральное

³⁸ Там же. С. 332.

³⁹ См.: там же. С. 325; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 362–364.

⁴⁰ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 333–335.

³⁶ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 272; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 364, 365; *Одайнник В.* Указ. соч. С. 105, 106.

³⁷ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 335, 336.

* * *

негодование, повторяет Юнг Фрейда, возникающее в результате совершения преступления, есть маска, за которой скрывается желание повторить это преступление. В этой связи Юнг опасается, что преступные желания, скрывающиеся под маской морального негодования, потребуют наказания, превышающего само преступление⁴¹. Здесь выказывается очевидный пессимизм: союзные державы (США, Великобритания, Франция), демонстрируя свою ненависть к нацизму, сами по себе, по логике Юнга, являются источником деструктивных сил, которые в будущем могут привести к новым войнам.

Юнг подчеркивает, что его рассуждения о немцах — не обвинение, а диагноз, болезнь же — не позор, а беда. Поскольку немцы больны, необходимо проникнуть вглубь их болезни. Немцам, чтобы вылечиться, нужно полностью отказаться от былых иллюзий. В 1938 г. Юнг предлагал следующий способ лечения социального психоза в нацистской Германии. Всякое принуждение, рассуждает он, в отношении человека, действующего под влиянием коллективного бессознательного, опасно, т.к. он не только не послушает, но будет себя вести даже более агрессивно. Единственное, что может психиатр, — это попытаться интерпретировать пациенту его поведение, указав на опасность для него самого и общества. Единственный способ спасти западную демократию — не пытаться остановить Гитлера. «Можно попробовать отвлечь его, но остановить его невозможно без громадной катастрофы для всех. <...>. Инстинкт должен подсказать государственным деятелям Запада не трогать Германию в ее нынешнем настроении. Она также очень опасна»⁴². Юнг предлагает направить агрессию Гитлера на Россию. Цинизм этого лошеного западного европейца поражает. На вопрос корреспондента: «Что произойдет, если Германия попытается свести счеты с Россией?» — Юнг отвечает: «О, это ее собственное дело. Для нас важно только, что это спасет Запад. Никто из покушавшихся на Россию не избежал неприятностей. Это не очень подходящая пища. Возможно, потребуется сотня лет, чтобы немцы переварили ее. Между тем мы будем спасены, я имею в виду всю западную цивилизацию... Рассматривая Гитлера как пациента и Европу как семью пациента и ближайших соседей, я предложил бы послать его в Россию. Там много земли — одна шестая часть всей поверхности земного шара. Не будет большим уроном для России, если кто-то захватит часть, и, как я сказал, никто никогда не преуспел в этом»⁴³.

⁴¹ См.: *Одайнник В.* Указ. соч. С. 111, 112.

⁴² Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 359, 360.

⁴³ Там же. С. 360.

Следует иметь в виду, что, рассуждая о немецком народе и его ответственности, Юнг отталкивается от немцев эпохи Третьего рейха, их тогдашнего психического и интеллектуального состояния. Некоторые перефразы в оценках вызваны как минимум двумя причинами: масштабом преступлений нацизма и стремлением оправдаться за сотрудничество с ними. Так, Юнг постоянно называет немцев той поры неполноценными, что может ассоциироваться с терминологией самих нацистов о «нечеловеках». Очевидно, что речь у него идет не о расовой неполноценности, а о состоянии психической неустойчивости, о психике, оказавшейся во власти коллективного бессознательного. Проблема, однако, как раз и заключается в том, что нацисты совершали преступления не под гипнозом, а осознанно и даже подвели под это теоретическую базу. Объявление их психически неполноценными, больными могло как-то снижать остроту ситуации и даже ставить вопрос о выведении их из-под ответственности, ведь невменяемых не судят. Особенность позиции Юнга состоит в том, что как бы коллективная невменяемость немцев, напротив, влечет за собой ответственность для всего немецкого народа. Ответственность должна наступить для того, чтобы немецкая нация в дальнейшем осознавала наличие у себя воинственных архетипов, внимательно следила за их поведением и умела блокировать их разрушительную активизацию. По мысли Юнга, немцы, как всякая другая нация, не способны выйти за пределы действия своих архетипов, они определяют их историческую судьбу. Задача, однако, состоит в том, чтобы, используя энергию архетипов, направить их действие в созидательное русло. После поражения во Второй мировой войне перед Германией, по Юнгу, стоят две главные угрозы: экономическая разруха и духовная изоляция. Поскольку Германия богата одарена, утверждает он, есть надежда на ее духовное возрождение⁴⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Одайнник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 99, 104–106, 108–112, 119, 120.
2. Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайнник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 343, 345–350, 353–365.
3. *Юнг К.Г.* Очерки о современных событиях. Психология нацизма // *Одайнник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 229–336.

⁴⁴ См.: *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 334–336.

REFERENCES

1. *Odaynik V.* Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 99, 104–106, 108–112, 119, 120 (in Russ.).
2. Three interviews with K.G. Jung (1933, 1938, 1945) // *Odaynik V.* Psychology of Politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 343, 345–350, 353–365 (in Russ.).
3. *Jung K. G.* Essays on contemporary events. Psychology of Nazism // *Odaynik V.* Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 229–336 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич –

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. –

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert